

Л.А. Озеров

«Silentium!»

Обычно стихотворение «Silentium!» рассматривалось изолированно от других стихотворений поэта, от всего его творчества. Категоричность строк этого стихотворения приводила к столь же решительным и резким характеристикам поэзии Тютчева. Каким именно? Скептик, пессимист, агностик¹, и далее — как следствие — «искусство для искусства».

Вместе с тем стихотворение это надо рассматривать в контексте всего его творчества, в живой связи его явлений. Читая и вчитываясь в него, надо помнить об его антитезе, об антиномичности мышления Тютчева вообще. Наконец, надо помнить и знать, что самым своим творчеством Тютчев явил пример того, как в отношении силы слова он сам — поэт — противостоит программному утверждению своему об эфемерности слова, об относительности его и зыбкости.

Тема «молчание» — традиционна с древних времен. Молчание содержательно, ибо «бессодержательную речь всегда легко в слова облечь» (Гете). Молчание трудно опровергнуть. Кто не умеет молчать, тот редко говорит умно. «Молчание в любви важнее слов» (Паскаль). В молчании раскрывается бездна смысла, в словах же — эта бездна только мелькает, и то редко. У молчания романтический ореол, у слова же огромная шумная родня. Одним словом, не лучше ли молчать? Ответ — у Р.-М. Рильке²: «Есть гимны у меня, которые молчу».

Поэзия Востока и Запада дает немало примеров того, как великие мастера слова сетовали на самое слово, на то, что оно тень от тени переживания, мысли, явления.

<...> Фет мечтал: «О, если б без слова сказаться душой было можно». Об этом же в своих пословицах и поговорках говорит народ: «Слово — серебро, молчанье — золото». Вероятно, можно составить солидный свод подобных изречений.

«Silentium!» — раздумье поэта над природой высказывания, еще шире — над природой творчества, над процессом воплощения замысла.

Если понимать это стихотворение буквально, то получается нонсенс: поэт не верит в мысль, воплощенную в слове. При таком понимании это стихотворение выглядит надуманным и тенденциозно-односторонним. Здесь дело в ином. Тютчев работал на больших духовных глубинах или, еще точнее — высотах. Слово с трудом поспевало за мыслью. Душа поэта была океаном, а мысль, воплощенная в слове, — лишь пеной на нем. Слово, после того как поэт отпыляет, переболеет, кажется ему слабым и бледным отпечатком от недавних чувств и мыслей. В слове так мало остается от недавнего кипения страстей в душе поэта, что оно кажется чуждым, ложью. «Silentium!» — это речь об отношении автора к своим произведениям, замысла к воплощению, мысли к слову. Отсюда и диагноз, который мог бы прозвучать по-русски мягко: «Молчание», — а прозвучал на врачебной латыни сурово и четко: «Silentium!»

<...> «Silentium!» имеет творческое продолжение в «Фонтане» (1836). От одного стихотворения к другому прочерчивается прямая линия.

¹ Странник агностицизма — учения, отрицающего познание мира.

² Р.-М. Рильке (1875–1926) — австрийский поэт; знал русский язык, перевел «Слово о полку Игореве». Встречался с Л. Толстым, переписывался с Б. Пастернаком.